ISSN 0130-7673

НОВЫЙ МИР

3

1998

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Что остается от человеческой жизни? Память… да еще старые фотографии в семейных альбомах.

- Борис Екимов
  - ○

Борис Екимов
«ЗВЕЗДОЧКА ЯСНАЯ…»

Семейные альбомы. Толстые фолианты, битком набитые фотографиями. Нынче они понемногу из жизни уходят, как старый век. В нашей семье у каждого был свой альбом. Его еще в детстве дарили. Понемногу он полнился. Листаешь, перебираешь фотографии — и видишь воочию свою жизнь: от голопузого малыша до времен последних. Свою жизнь и тех, кто рядом был: родные, друзья детства, потом взрослой жизни.

Прежде — я это хорошо помню — каждое воскресенье все вместе смотрели семейный альбом, осторожно переворачивая его картонные листы. Выберется свободный час, кто-то предлагает: «Давайте альбом поглядим». Гостям обязательно альбом показывали. Но в своем кругу — лучше.

В горнице садимся вокруг стола. Альбом — посередине. Подолгу глядим. Каждая фотография — это жизнь, дни ее, память. Младшие то и дело спрашивают: «Кто это? А это?» Иногда просто какое-то имя скажут. А порою текут рассказы. Истории порой удивительные. Вот одна из них, о Зине Поповой.

Подруги моей матери далеких тридцатых годов — стриженые рабфаковки да студентки. Мать училась на рабочем факультете, а потом — в институте. Одна из близких подруг — Зина Попова. С нею вместе росли в Самаринском Затоне, что возле Сретенска, в Забайкалье. Вместе росли, окончили школу, потом учились в Иркутске, правда в разных институтах. Мать моя — в пушном, Зина Попова — в юридическом.

Надпись на фотографии: «Тоня! Как крепка память о днях, проведенных в детстве…»

Со снимка глядит милая молодая женщина с коротко стриженными легкими волосами. Она красива. Мать моя и сейчас говорит: «Она такая красивая была». Высокий гладкий лоб, прикрытый легкой прядью. Большие глаза, прямые брови, мягкий овал лица. Даже сейчас с фотографии словно лучится ее теплый взгляд.

— Она такая хорошая была, такая добрая, — вспоминает мать. — Так она много пережила в детстве.

Далекое Забайкалье. Город Сретенск на быстрой реке Шилке. В двух ли, трех верстах от него, по реке выше, Самаринский Затон — малое селенье на устье Самаринского ручья. Десяток-другой домов и семей. Одни — крестьянствуют, другие — работают в судоремонтной мастерской. А у Зины Поповой отец и старший

брат воровали скот в окрестных деревнях. После одной из краж, спасаясь, они убежали в Китай. До границы — рукой подать. И порядки тогда были иные. Сбежали они и сгинули.

Осталась Зина Попова с матерью и младшей сестренкой. Жили в отчаянной бедности. Зарабатывали на хлеб тем, что латали мешки для склада. Мать моя помнит: «Толстые мешки, грубые. Иголки большие. У Зины всегда были пальцы исколоты, даже напухали. Платили им мало. За молоком мы вместе с Зиной всегда ходили. Я — с бидоном, она — с кружечкой. Немножко они молока покупали, лишь чай забелить».

Зина Попова была красивой смладу, но косил у нее правый глаз. Ее дразнили: «Косой заяц». А еще «воровкой», из-за отца и брата. Здесь усердствовал ее одноклассник Блинов — «общественник-активист», как их тогда называли, то есть активный комсомолец.

— Эту воровку надо из школы гнать! — усердствовал Блинов. — В комсомол таких не принимаем. Отец и брат — враги!

В комсомол ее, конечно, не взяли. Но училась Зина хорошо, была отличницей. С младшими ребятишками возилась. Они любили ее, ходили за ней гурьбой. Даже дома: она на полу сидит, мешки штопает, а ребятишки — вокруг. Она им что-то рассказывает, песни вместе поют. А тот же «активист» Блинов ее на собраниях разоблачает: «Эксплуатирует детский труд!»

В клубе она была заводилой. У нее голос красивый. Хорошо пела. Мать моя и теперь помнит песни ее.

Ванька — слесарь на заводе
Полюбил глаза одни.
Темной ночью на свободе
Повстречалися они.
Звездочка ясная,
Звездочка красная
Им улыбалась с высоты.

— А потом этот Ванька-слесарь в Красную Армию пошел и вернулся с наградой. — Мать не помнит всех слов и объясняет: — А конец такой: «Звездочка ясная, звездочка красная горела на его груди». Такие вот тогда песни были.

Зина Попова заканчивала учебу в школе, и тут ей повезло: приехал в Сретенск глазной врач, который сумел сделать ей операцию — и косоглазия как не бывало. Стала Зина вовсе красавицей, какой и глядит сейчас с фотографии.

Она на «отлично» закончила школу и поступила в юридический институт в Иркутске. Там ею тоже были довольны:

умная головка. А из Самаринского Затона во все концы, и конечно в институт, пишет и пишет «активист» Блинов: «Она враг. У нее связь с заграницей. Она не должна в институте учиться». Но там, в институте, видят ее, ценят и не дают в обиду.

Зина продолжает учиться, а потом встречает любимого. Она его звала не Иваном, не Ваней, а только Ванюшкой. «Мой Ванюшка… Мы с Ванюшкой…»

— Они были такие красивые, — вспоминает моя мать, — и так друг друга любили. Все на них любовались. Такая пара…

Институт был закончен. И была свадьба с Ванюшкой. Все горькое осталось далеко позади: бедное детство, косоглазие, обидные прозвища.

Началась новая жизнь, в которой, словно в песне,

Звездочка ясная,
Звездочка красная
Ей улыбалась с высоты.

Где-то в тридцать пятом или тридцать шестом году, когда мать моя уже работала на Севере, Зину Попову арестовали как врага народа. Больше о ней никто не слышал. Осталась лишь фотография в альбоме матери: красивая молодая женщина с доброй, какой-то лучезарной улыбкой. Скоро не будет и фотографии.